

УДК 94(47)+069.6

**НЕКРОПОЛЬ ВОЗНЕСЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ
МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ: ИСТОРИЯ И МУЗЕЕФИКАЦИЯ**

Шапиро Б.Л.

В статье рассматривается историческая судьба одного из самых известных русских династических некрополей – некрополя Вознесенского собора Вознесенского девичьего монастыря Московского Кремля. Отмечаются рубежные точки истории храма-усыпальницы в XV – XX вв. Отдельное внимание отдается трагическим событиям в условиях антицерковной политики первых лет советской власти. Спасение монастырского некрополя от уничтожения силами научных и музейных работников открыло путь к его музеефикации. Этот процесс продолжается уже почти столетие, прослеживается его динамика и обозначаются ближайшие перспективы. Материалами для обзорного исследования выступили архивные данные, источники личного происхождения, историческая публицистика, а также современные музейные экспозиции.

Ключевые слова: музеи Московского Кремля, Вознесенский монастырь, монастырская археология, династическая археология, музеефикация памятников археологии.

**MOSCOW KREMLIN OLD MAIDENS' CONVENT NECROPOLIS:
HISTORY AND MUSEUMIFICATION**

Shapiro B.L.

The article considers the historical fate of one of the most famous Russian dynastic necropolis – the necropolis of the Ascension Cathedral of the Old Maidens' Convent in the Moscow Kremlin. We mark the boundary points in the history of the burial vault temple between the 15th and 20th centuries. Special attention is paid to the tragic events in the conditions of the anti-church policy during the first years of the Soviet regime. The salvation of the monastery necropolis opened the way to its museumification. This process has been going on for almost a century; we are tracing

its dynamics and outlining the nearest prospects. Archival materials, sources of personal origins, historical journalism, as well as contemporary museum exhibitions have contributed to the survey.

Keywords: Moscow Kremlin Museums, Ascension Monastery, monastic archaeology, dynastic archaeology, archaeological monuments museumification.

Местом погребения членов правящей династии в России издавна служили храмы-усыпальницы Московского Кремля. Мужские погребения традиционно проводились в Успенском (с 1325 г.) и в Архангельском (с 1340 г.) соборах – двух главных мужских некрополях.

Главной женской династической усыпальницей был некрополь Спасо-Преображенского собора (с 1332 г.) и, после его заполнения, некрополь Вознесенского собора Вознесенского девичьего монастыря Московского Кремля (а также типологически близкий ему некрополь Новодевичьего монастыря, часто трактуемый как «новый Вознесенский» [4, с. 112]).

Вознесенский монастырь возник между 1367 и 1386 гг. у Спасских (Фроловских) ворот Московского Кремля на обширном участке, ограниченном Кремлевской стеной, Чудовым монастырем и Спасской улицей. Именно на этом месте стоял терем великой княгини Евдокии Дмитриевны, супруги великого князя Московского Дмитрия Донского, основательницы монастыря. Здесь же, перед смертью, она постриглась в монашество под именем Евфросинии, а через три дня после пострижения заложила каменную церковь Вознесения Господня (1407) [27, с. 122; 28, с. 12]. Церковь Вознесения стала главным (соборным) монастырским храмом, а Вознесенский монастырь – одной из трех женских обителей Москвы того времени.

Здесь жили великокняжеские и царские невесты до свадьбы; здесь же женщины из правящей династии принимали постриг. Здесь скончалась великая государыня инокиня Марфа Ивановна (1631), мать первого русского царя из династии Романовых. В стенах монастыря коротала дни до свадьбы обрученная невеста первого Лжедмитрия Марина Мнишек с фрейлинами, когда царица

Мария Нагая, жена Ивана Грозного и мать убиенного царевича Дмитрия, перед народом признала Лжедмитрия за своего сына (1606). По словам путешественника Исаака Массы, «невесту должны были отвезти туда на восемь дней, дабы она могла научиться московским обычаям» [цит. по: 11, с. 85]. Здесь же жила инокиня Евдокия после воцарения внука Петра II.

Соборный храм монастыря неоднократно поновлялся, переживая страшные пожары и разорения. Последнее здание Вознесенского собора, пятиглавое четырехстолпное, было выстроено в 1587-1588 гг. ктиторийшей царицей Ириной Годуновой по подобию Архангельского собора: в последнем, по обычаю, погребались цари, а в первом царицы. Последовательное и сознательное перенесение иконографии подчеркивало значение царицы в величии власти подобной царю. Повторяющиеся архитектурные формы обоих соборов приняли на себя роль символа царской власти [3, с. 471-480; 27, с. 121-122, 125].

Соборный храм щедро украшался иконами, среди которых первой нужно назвать Богоматерь Одигитрию письма Дионисия (1482) в серебряной вызолоченной ризе (икона местного ряда иконостаса, слева от Царских врат; в настоящее время хранится в Государственной Третьяковской галерее). Значительную ценность представляли иконы старинного «греческого письма» и иконы XVII в. московского письма [22, с. 7, 18; 27, с. 125-126], в том числе работы «Оружейной палаты иконописных дел мастера» Кирилла Уланова.

Храмовая ризница хранила множество драгоценной утвари-подушных вкладов: все они относятся к XVII – первой четверти XVIII вв. Среди них особенно замечательны:

1. Напрестольный восьмиконечный золотой крест с частицами св. мощей, богато украшенный жемчугом и драгоценными камнями (вклад царя Михаила Федоровича по дочери Софье, 1636).
2. Золотые священнослужебные сосуды – потир, дискос, звезда, лжица (вклад царя Алексея Михайловича по дочери Анне, 1659).

3. Золотая братина царицы Евдокии Лукьяновны, принадлежавшая ей при жизни (вклад ее супруга царя Михаила Федоровича, 1645).

4. 13 покровов (пелен) на надгробия погребенных в храме-усыпальнице – вклады царей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Петра I Алексеевича [27, с. 122]. «Все сии покровы почти одинакового устройства и состоят из бархатной середины, обведенной каймою из атласа или камки, – сообщает протоиерей Вознесенского собора А.И. Пшеничников. – На середине восьмиконечный крест выложен из круглых серебряных дробниц величиной с настоящую пятикопеечную медную монету, а трость, копие и проч. низаны жемчугом или вышиты золотом. На кайме также низана жемчугом или вышита золотом приличная летопись» [33, с. 69]. Поверх пелен на надгробиях устанавливались драгоценные сосуды и другие сокровища-богослужебные предметы.

Но больше всего соборный храм был известен своим подземным некрополем – главной усыпальницей великих княгинь и цариц, что придавало ему особое место в истории московской власти, и в русской истории в целом. В наосе храма-усыпальницы было расположено более сотни захоронений, начиная от основательницы обители великой княгини Евдокии Дмитриевны (в иночестве преподобной Евфросинии Московской) (1407). Она была первой представительницей московского правящего дома, похороненной в некрополе еще недостроенного храма. Среди погребений XV – первой половины XVI вв.: великие княгини жена Василия I Софья Витовтовна (1453), обе жены Ивана III – Мария Борисовна (1467) и Софья Палеолог (1503), а также ее дочь Феодосия (1501); жена Василия Темного Мария, в иночестве Марфа (1484), вторая жена Василия III и мать Ивана Грозного Елена Глинская (1538).

Русские царицы и царевны, захороненные во второй половине XVI – XVII вв.: малолетние дочери Ивана Грозного Мария (1551) и Евдокия (1558), четыре его жены: Анастасия Захарьина-Юрьева (1560), Мария Темрюковна (1569), Марфа Собакина (1571) и Мария Нагая, в иночестве Марфа (1608). Здесь же захоронены жена царя Федора Ивановича Ирина Годунова – единственная из

Годуновых, покоящаяся внутри кремлевских стен [27, с. 124] (1603), и их единственная дочь Феодосия (1594).

Здесь же лежит вторая жена сына Ивана Грозного царевича Ивана Феодосия (Параскева) Соловая (1622), обе жены Михаила Федоровича – Мария Долгорукая (1625) и Евдокия Стрешнева (1645), а также его дочери младенцы Пелагея (1629), Марфа (1632), Софья (1636), Евдокия (1637), дочь Анна, в иночестве Анфиса (1693). Здесь лежат вторая жена Василия Шуйского Екатерина (Мария) Буйносова-Ростовская, в иночестве Елена (1626) и его дочь царевна Анна (1609), обе жены царя Алексея Михайловича – Мария Милославская (1669) и Наталья Нарышкина (1694) и его малолетние дочери Анна (1659), Феодора (1667) и Евдокия (1669), а также первая жена царя Федора Алексеевича Агафья Грушецкая (1681), малолетние дочери царя Ивана V Феодосия (1691) и Мария (1692), и др.

Захоронения первой трети XVIII в. немногочисленны: это погребения дочери царя Михаила Федоровича Татьяны (1706), дочери царевича Алексея Петровича Натальи (1728/1729) и дочери царя Ивана V Прасковьи (1731). Захоронением царевны Прасковьи Ивановны завершилось формирование некрополя.

Топо-хронология некрополя выглядит следующим образом. Погребения заполняют квадратный, с четырьмя столбами, наос, не равномерно. Развитие некрополя шло традиционно с соблюдением иерархических принципов устройства престижного некрополя, связанных с сакральной топографией храма и мира, по аналогии с Архангельским собором, с юга и юго-запада – все великие княгини XV столетия погребены именно вдоль южной стены и в юго-западном углу храма-усыпальницы. Западная часть заполнена погребениями семьи Ивана Грозного и царскими погребениями конца XVI – первой трети XVII вв.

У северной стены и на небольшом участке в северо-восточном углу, между алтарем и северной дверью храма, во второй половине XVI в. разместились могилы княгини Елены Волошанки (1505), а также княгинь и

княжон из опального рода Старицких (мать князя Владимира Андреевича Старицкого Евфросиния, его вторая жена Евдокия и четыре дочери; захоронения этой семейной группы датируются 1564-1569 гг.). Согласно представлениям, на этой стороне, наименее почетной, хоронили нелюбимых и неблизких родственников московских царей. Здесь же, у северных дверей собора, в головах у склепа царевны Татьяны Михайловны, упокоилась первая «русская Минерва» – 14-летняя дочь царевича Алексея Наталья [24; 31, с. 111; 32, с. 29-30].

Страшный Троицкий пожар 1737 г. в Москве принес разрушения убранству храма-усыпальницы (полностью сгорел левый клирос, был поврежден главный иконостас и несколько надгробных иконостасов), но сами захоронения не пострадали [33, с. 8]. В разрушительных пожарах 1812 г. собор получил минимальный ущерб, но все же требовал очистки, наполнения новой богослужебной утварью и повторного освящения. В XIX в. главный монастырский храм пережил активную восстановительную фазу – строительную, ремонтную и реставрационную [26, с. 54; 27, с. 122].

Трагический период для монастыря и его уникального храма-усыпальницы начался с приходом к власти большевиков. В конце октября – начале ноября 1917 г. Москва «расстреливалась артиллерийским, бомбометным, пулеметным, ружейным огнем», – рассказывает епископ Камчатский Нестор (Анисимов), член комиссии по фотографированию и документальному описанию повреждений Кремля во время междоусобицы 27 октября – 3 ноября 1917 г. [23, с. 11]. В ночь с 2 на 3 ноября 1917 г. Московский Кремль подвергся чудовищному обстрелу и разгрому. Были повреждены Чудов монастырь, Митрополичьи покои (до полного разрушения интерьеров), колокольня Ивана Великого, разрушен алтарь Николо-Гостунского собора (полностью уничтожена утварь и богослужебные книги). Орудийным снарядом было разрушено знаменитое крыльцо Лоджетты Благовещенского собора (крытая галерея времен Ивана Грозного), изъязвлен ударами снарядов Архангельский собор, расстрелян Собор двенадцати Апостолов.

Подверглись разрушению и святотатству и другие кремлевские храмы и постройки: были разрушены палаты, где малолетний царь Петр Алексеевич прятался от стрельцов; ружейной пулей прострелена икона Казанской Божьей матери на Троицких воротах, разбиты кремлевские часы-куранты на Спасской башне [23, с. 17-22]. В груды мусора была превращена Патриаршая ризница, «где в кучах песку и щебня, обломков стен и разбитых стекол от витрин раскапываются бриллианты и жемчуга» [23, с. 20].

Полное разрушение настигло и Вознесенский монастырь, где «от ружейных пуль и снарядных осколков разбиты купола храмов монастыря и крыши всех построек обители. Стекол выбито до 300 мест. В храме св. Екатерины, на носилках, среди Церкви на полу лежал убитый ружейной пулей в висок юнкер...», – продолжал епископ Нестор [23, с. 15].

В 1918 г. было принято решение о проведении в монастыре ремонтных и реставрационных работ. Из-за скупого финансирования были проведены лишь немногие восстановительные работы, но и они были прекращены в 1920 г. Здания разрушались [25, с. 172-206].

В марте 1918 г. после переезда Советского правительства в Москву был составлен проект по превращению Московского Кремля в единый музейный комплекс «Акрополь и Пантеон русского искусства» [35, с. 284-285]. Не последнюю роль в принятии этого решения сыграл первый большевистский комендант Кремля, бывший комендант Смольного Павел Мальков. В его задачи входила организация охраны Кремля и размещения аппарата ВЦИК, чему он видел серьезные препятствия. «Больше всего хлопот и неприятностей доставляли мне монахи и монахини, так и сновавшие по Кремлю в своих черных рясах. Жили они в кельях Чудова и Вознесенского монастырей, приткнувшихся возле Спасских ворот. Подчинялись монахи собственному уставу и своим властям. С нашими правилами и требованиями считались мало, свою неприязнь к Советской власти выражали чуть ли не открыто <...> пока монахов из Кремля не уберут, я ни за что поручиться не могу», – заявил

Мальков руководству партии и правительства [21, с. 154-155]. История знаменитого монастыря вступала в свой завершающий период.

В 1918 г. на основании декрета «Об отделении церкви от государства», инструкции Народного комиссара юстиции от 30 августа 1918 г. и распоряжения юридического отдела Московского совета рабочих депутатов от 9 ноября 1918 г. Вознесенский монастырь с помощью сотрудников ВЧК и латышских стрелков был закрыт и опечатан; монахини выселены. Началась реквизиция имущества кремлевских монастырей, объявленного народным достоянием [6, с. 302-311; 21, с. 154, 159].

Монастырь был не одинок в своем несчастье. В это же время была ограблена родовая усыпальница Романовых в Новоспасском монастыре. Чуть раньше приступили к разорению царских гробниц в Петрограде: еще осенью 1917 г. по распоряжению Временного правительства наиболее ценные вещи из интерьера Великокняжеской усыпальницы Петропавловского собора были отправлены в Москву, а в 1919 г. собор был закрыт и опечатан. В 1920-1921 гг. прошли вскрытия склепов Великокняжеской усыпальницы с изъятием ценностей.

Одновременно проходили массовые акции по вскрытию мощей. На раннем этапе наибольший резонанс получило вскрытие мощей преподобного Александра Свирского (октябрь 1918 г.). Вскрытие провели под предлогом учета церковного имущества Александро-Свирского монастыря. Открылась всероссийская ликвидация мощей. Кампания проводилась VIII (ликвидационным) отделом Народного комиссариата юстиции под руководством П.А. Красикова, который первым из советских руководителей выдвинул задачу «утилизации огромных серебряных рак» [37, с. 126].

Пик кампании пришелся на февраль-апрель 1919 г., когда были вскрыты мощи в кремлевском Чудовом монастыре, соседствующим с Вознесенским. К концу 1920 г. по стране было произведено 66 вскрытий, в том числе мощей преподобного Сергия Радонежского в Троице-Сергиевой лавре (11 апреля 1919 г.), преподобного Серафима Саровского в Дивеево (17 декабря 1920 г.) [8, с.

121-140; 37, с. 125-127]. Вскрытия сопровождались реквизицией церковных ценностей: изымались серебряные ризы, раки, священные сосуды, лампы, кадила, кресты художественной работы, золото и жемчуг. Вещи оценивались как имеющие музейное значение и не имеющие его, после чего определялись на переплавку, либо поступали в московский Гохран (созданный в 1920 г. как хранилище Наркомфина для концентрации ценностей, направляемых для продажи за валюту), либо в музеи. Кампания сопровождалась безвозвратной порчей шедевров и протестами не только духовных лиц, но и музейщиков [5, с. 90-91; 7, с. 181; 15, с. 11-33].

«Мощейную эпопею» можно рассматривать как своеобразный пролог кампании 1922 г. по изъятию церковных ценностей для Помгола (в соответствии с Декретом ВЦИК от 23 февраля 1922 г. об изъятии церковных ценностей с целью сбора средств в помощь голодающим Поволжья) [8, с. 121-140]. В рамках кампании вскрыли раку с мощами святого Александра Невского в Александро-Невской лавре (9 мая 1922 г.) [9, с. 271]. Старинная серебряная рака-саркофаг как культурный памятник первостепенного значения, достойный Государственного Эрмитажа, избежала переплавки. Остальное изъятые церковное серебро «обратили в лом, в том числе барельефную облицовку стены. Бесследно исчез, вероятно, также превращенный в лом, малый внутренний серебряный саркофаг» [37, с. 127].

Одновременно шел разбор иконостаса Казанского собора в Петрограде. 16 мая 1922 г. представители науки и культуры, в числе которых были председатель Российской академии истории материальной культуры А.А. Васильев и ректор Российской академии художеств А.Е. Белогруд, обратились к председателю ВЦИК М.И. Калинину, наркому просвещения А.В. Луначарскому и заведующей Главмузея НКП Н.И. Троцкой с просьбой «остановить начатое разрушение иконостаса Казанского собора, памятника мирового значения» [1, с. 242-243]. Однако уже на следующий день председатель Петроградского Помгола И.П. Бакаев рапортует о полном изъятии серебра из соборного иконостаса [1, с. 244].

Аналогичные процессы шли в тот год и в Москве [10]. Постановление ВЦИК об изъятии ценностей Вознесенского монастыря вышло 23 февраля 1922 г. В список исключительных историко-художественных ценностей, подлежащих ведению Главмузея и находящихся под музейной охраной, вошла лишь ризница Вознесенского монастыря (была указана под № 3 списка от 31 марта 1922 г.) [1, с. 118; 14, с. 38].

В течение нескольких следующих лет вещи из монастыря передавались в Центральную комиссию Помгола при ВЦИК, в Гохран и в Оружейную палату. Часть сокровищ обрела новое место в фондах Государственного исторического музея и Государственной Третьяковской галереи. Фрагмент резного иконостаса Вознесенского собора с иконами XVII в. был установлен в кремлевской церкви Двенадцати апостолов (из-за недостатка места размещен за вычетом двух рядов и шести икон: трех из Праздничного ряда и стольких же – из Страстного) [12; 27, с. 125]. Удалось спасти далеко не все: медную позолоченную сень над ракой основательницы обители Евфросинии Московской «приговорили» к сдаче в Рудметаллторг как не имеющую музейного значения [28, с. 29]).

Тогда же решалась судьба восьми колоколов Вознесенского монастыря (всего в Кремле насчитывалось 72 колокола, кроме колоколов часов Спасской башни и Большого Кремлевского дворца). В 1927 г. был произведен осмотр-выявление кремлевских колоколов, подлежащих изъятию Рудметаллторгом. В итоге кампании были утрачены 42 кремлевских колокола общим весом около 64 т; в их числе семь из восьми колоколов Вознесенского монастыря. Восьмой монастырский колокол, отлитый по приказу Ивана Грозного, в настоящее время экспонируется на постаменте у Архангельского собора [13, с. 274-279].

Обсуждался вопрос о дальнейшей судьбе расстрелянных в ноябре 1917 г. монастырских зданий. Решение о сносе «среднего корпуса Вознесенского монастыря, как угрожающего живущим в нем лицам», было принято в 1927 г. В апреле 1929 г. правительственная комиссия в составе К.Е. Ворошилова, В.В. Шмита и А.Е. Енукидзе приняла решение о строительстве на месте Вознесенского и Чудова монастырей здания Военной школы ВЦИК (бывших

пулеметных курсов), курсанты которой несли службу по охране Кремля. 28 августа того же года начались работы по разборке надгробий соборного храма-усыпальницы.

Сотрудники Оружейной палаты боролись за спасение святынь, настаивая на том, что культурные памятники такого уровня, несмотря на антицерковную политику, должны находиться под особой музейной охраной [27, с. 114; 28, с. 29-30; 30, с. 162]. Энтузиасты «обращаются в Главнауку Наркомпроса, ведавшего музеями и охраной памятников, к Наркому просвещения А.В. Луначарскому, к М.И. Калинину, к Коменданту Кремля Р.А. Петерсону» [12].

31 августа в Оружейной палате состоялось заседание Ученого совета музея, где был поставлен вопрос о необходимости учреждения комиссии из известных деятелей науки, культуры и музейного дела для работ по Вознесенскому некрополю – его архитектурным обмерам, фотофиксации, вскрытию и научному обследованию гробниц, и их последующему вывозу, изучению и сохранению. Комиссия во главе с заместителем директора Оружейной палаты В.К. Клейном была сформирована в тот же день [28, с. 30].

При разборке некрополя прошли его первые натурные исследования: каждое погребение вскрывали, описывали саркофаги, инвентарь, состояние останков. Изъятые материалы были поставлены на музейный учет.

В итоге, с 28 августа по 19 сентября 1929 г. все саркофаги (всего 59 массивных белокаменных саркофагов и 8 захоронений под белокаменными плитами без гробниц) с останками великих княгинь, царевен и цариц, надгробные плиты, обломки гробов были перемещены в Архангельский собор, а затем – в двухкамерную Судную палату конца XV – начала XVI вв., подклет южной пристройки собора. Здесь продолжилось их изучение (захоронения находятся там до настоящего времени, кроме мощей Евфросинии Московской, перенесенных в 2008 г. в придел мученика Уара Архангельского собора) [28, с. 31-32; 39].

В том же 1929 году Вознесенский монастырь взорвали. На его месте в 1932-1934 гг. было построено здание Военной школы им. ВЦИК с клубом на

1000 мест [27, с. 125]. Строители разобрали все ранние постройки, попавшие в пятно котлована новостройки. Соборный храм был полностью уничтожен (за пределами пятна остался лишь небольшой участок монастырской территории вдоль Спасской улицы, где стояла псевдоготическая церковь святой Екатерины начала XIX в.). Были срезаны все культурные слои; перспектив для натурального исследования не осталось [4, с. 112; 16, с. 48; 19, с. 8].

Так 1929 г. стал последним в истории Вознесенского монастыря, но не в истории его некрополя. В ходе работ по спасению саркофагов велся подробный «Дневник вскрытия захоронений бывшего Вознесенского монастыря в Московском Кремле», где фиксировались все этапы работы и комментировались ее обстоятельства. В настоящее время этот уникальный документ находится в Отделе рукописных, печатных и графических фондов Музеев Московского Кремля; он опубликован Т.Д. Пановой в качестве приложения к монографии «Кремлевские усыпальницы» [30, с. 181-204].

Дневник начат 28 августа 1929 г. словами «на солее около южной стены начата разборка кирпичных надгробий» [30, с. 183]. Всего в подземном некрополе было обнаружено около 70 захоронений – в два раза больше, чем надгробных памятников (долгое время считалось, что в некрополе всего 35 захоронений) [34, с. 34].

Спасение некрополя дало возможность продолжить исследования, начатые в 1929 г. В 1984-1985 гг. в результате повторного частичного вскрытия (за исключением гробов конца XVII – начала XVIII вв.) были выявлены уникальные произведения средневекового шитья и ткачества. Было проведено изъятие останков текстиля и одежды из некоторых захоронений: в фонды Музеев Московского Кремля поступили волосники Елены Глинской и Марии Темрюковны, остатки детских одежд дочери Ирины Годуновой и др. Причиной изъятия стали протекающие своды подклета Архангельского собора [40], где с 1929 г. хранились саркофаги.

В 1994-1999 г. антропологами и экспертами-криминалистами начаты работы по воссозданию облика великих княгинь Софьи Палеолог и Елены Глинской [29, с. 34-38].

В 1999-2000 гг. начались работы по ремонту и реставрации подклета с целью его музеефикации. Тогда же дирекцией Музеев Московского Кремля было принято решение о создании реставрационно-исследовательской группы «Исторический Некрополь» под руководством заведующей археологическим отделом музея Т.Д. Пановой и реставратора высшей категории Н.П. Сеницыной. В задачу группы, помимо реставрационных работ, входило проведение комплексных научных исследований по каждому погребальному комплексу из подвальной палаты Архангельского собора. Кроме археологов и реставраторов были задействованы специалисты НИФХИ РАН, ИНЭОС РАН, антропологи, антропоэкологи и антропохимики, геохимики, микробиологи, специалисты по церковной археологии, палеографии и эпиграфике, судебные медики и эксперты-криминалисты, а также специалисты в области сохранения культурного наследия, в том числе археологического текстиля.

Работа включала вскрытие саркофагов, изъятие останков и остатков одежды, погребального инвентаря, их изучение и последующие реставрацию и консервацию; проект был рассчитан на 2000-2010 гг. Активный этап начался в феврале 2001 г. [29, с. 37; 36, с. 98]; за первый год были исследованы и обработаны материалы шести захоронений. В 2002 г., учитывая быстрое ухудшение состояния Судной палаты, было принято решение ускорить темп работ. Всего в течение первых 8 лет было обработано 57 захоронений, начиная с погребения великой княгини Евдокии (1407); отреставрировано несколько сотен предметов [18, с. 247-255; 29, с. 37; 36, с. 98]. Результаты работы группы представлены в Архангельском Соборе в экспозиции «Вознесенский монастырь в Московском Кремле». Здесь также представлены иконы, богослужебные предметы, облачения и детали убранства монастыря [38].

Следующим шагом стала музеефикация некрополя. Активный период был начат в 2014 г. и продолжается по настоящий день. Демонтаж

кремлевского корпуса № 14 (после Военной школы ВЦИК здесь последовательно размещались комендатура Кремля, секретариат Президиума Верховного Совета СССР и Администрация Президента РФ), построенного на месте Чудова и Вознесенского монастырей, открыл возможность проведения полноценных археологических раскопок. Рекогносцировочные раскопки были начаты в сентябре 2014 г., основные изыскания проходили в 2015-2016 гг.; общая площадь раскопов составила 580 кв. м. Обследование подвалов корпуса № 14 позволило обнаружить участки кладок 1930-1932 гг. с вторичным использованием белого камня от разрушенных Чудова и Вознесенского монастырей.

Часть полученных материалов в 2016 г. была музеефицирована. Итогом работ стали два «археологические окна» на Ивановской площади Кремля, где демонстрируется часть фундамента Малого Николаевского дворца и южный угол Благовещенского храма Чудова монастыря. Это первый успешный опыт музеефикации остатков утраченных исторических построек на территории Московского Кремля [17, с. 108-109; 19, с. 8, 24].

Завершающим этапом музеефикации должно стать воссоздание храма-усыпальницы: проект реконструкции, в полной мере раскрывающий его исторический облик и уникальную судьбу, уже разрабатывается [2; 19, с. 24; 20, с. 470-471].

Список литературы:

1. Архивы Кремля. Кн. 2. Политбюро и Церковь. 1922-1925. М. РОССПЭН; Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 647 с.
2. Барханов В.Е., Капустин А.М. Концепция восстановления Чудова и Вознесенского монастырей в Московском Кремле // Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ. Тезисы докладов. М.: Московский архитектурный институт, 2016. С. 388-389.

3. Баталов А.Л. Собор Вознесенского Кремля в Московском Кремле // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. Л.: Наука, 1985. С. 468-482.

4. Беляев Л.А., Григорян С.Б., Шуляев С.Г. Некрополь Смоленского собора Новодевичьего монастыря XVI – XVII в. Исследования 2017-2018 г.: методы и результаты // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 4 (78). С. 112-127.

5. Гессен В.Ю. К истории вещественных свидетельств культуры в Ленинграде: их потери в 1928 – начале 1930-х годов. Общие замечания // Клио. 2015. № 5 (101). С. 90-102.

6. Гордеева М.В. К истории Вознесенского монастыря Московского Кремля // Православные святые Московского Кремля в истории и культуре России. М.: Индрик, 2006. С. 302-311.

7. Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году. Сборник документов из фонда Реввоенсовета Республики. М.: ПСТГУ, 2006. 304 с.

8. Кашеваров А.Н. Судьба мощей преподобного Сергия Радонежского в контексте «мощейной эпопеи» советской власти // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2014. № 2. С. 121-140.

9. Кашеваров А.Н. Церковь и власть: Русская Православная Церковь в первые годы Советской власти. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1999. 327 с.

10. Козлов В.Ф. Большое ограбление: об изъятии церковных ценностей в Москве в 1922 году // Памятники Отечества. ВООПИиК. 1997. № 1. С. 160-171.

11. Козляков В.Н. Марина Мнишек. М.: Молодая гвардия, 2005. 341 с.

12. Костикова Р.С. Вознесенский монастырь – значение в истории России [Электронный ресурс] // Музеи Московского Кремля [сайт]. 22.04.2002. URL: <https://goo.su/2Hfb> (дата обращения 11.06.2020).

13. Костина И.Д. О ликвидации колоколов в Московском Кремле (1928-1929 годы) // Музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. № 20. М.: Московский Кремль, 2010. С. 274-279.

14. Крапивин М.Ю. Главмузей и изъятие церковных ценностей в советской России (весна-лето 1922 г.) // Вопросы музеологии. 2016. № 1 (13). С. 32-51.

15. Крапивин М.Ю. Главмузей и комиссия Л.Д. Троцкого «по учету и сосредоточению ценностей» (ноябрь 1921 г. – октябрь 1922 г.) // Вопросы музеологии. 2016. № 2 (14). С. 11-33.

16. Макаров Н.А., Коваль В.Ю. Под фундаментами Военной школы имени ВЦИК: культурный слой и некрополь в центральной части Чудова монастыря // Археология Московского Кремля: Раскопки 2016-2017 гг. М.: ИА РАН, 2018. С. 48-51.

17. Макаров Н.А., Коваль В.Ю., Энговатова А.В., Васильева Е.Е., Панченко К.И., Модин Р.Н., Курмановский В.С., Майоров Д.Ю. Археологические исследования в связи с демонтажем корпуса 14 в Московском Кремле // Археологические открытия. Т. 2016. 2018. С. 108-110.

18. Макаров Н.А., Панова Т.Д. Археологические исследования на территории Московского Кремля в 2007 году // Музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. 20. М.: Московский Кремль, 2020. С. 247-255.

19. Макаров Н.А., Энговатова А.В., Коваль В.Ю. Археологические исследования в восточной части Московского Кремля в 2014-2016 гг. // Краткие сообщения Института археологии. 2017. № 246. С. 7-27.

20. Малинов А.А., Малая Е.В. Формирование принципов «градостроительной реконструкции» в работах «Школы классической архитектуры» МАРХИ // Наука, образование и экспериментальное проектирование. Труды МАРХИ. М.: Московский архитектурный институт, 2016. С. 466-471.

21. Мальков П.Д. Записки коменданта Кремля. М.: Воениздат, 1987. 368 с.

22. Меняйло В.А. Иконы из Вознесенского монастыря Московского Кремля. М.: Красная площадь, 2005. 408 с.

23. Нестор [Анисимов Н.А., епископ Нестор Камчатский]. Расстрел Московского Кремля (27 октября – 3 ноября 1917 г.). М.: Тип. «Общественная польза», 1917. 24 с.

24. О том же [генеральном местоположении] в Московском Вознесенском девичьем монастыре, где погребены тела в Бозе почивающих Государынь, Цариц и Великих Княгинь, Царевен и других высокого Царского рода женских лиц // Древняя российская вивлиофика. 1789. № 11. С. 236-241.

25. Оксенюк А.А. Судьба обитателей в XX веке // Коробьина А.М., Ратомская Ю.В., Золотницкая З.В., Оксенюк А.А. Чудов и Вознесенский монастыри Московского Кремля. М.: Кучково поле, 2016. С. 172-206.

26. Павлович М.К. К вопросу о ремонтных, реставрационных и строительных работах в Вознесенском девичьем монастыре Московского Кремля в первой четверти XIX века // Уваровские чтения – III. «Русский православный монастырь как явление культуры: история и современность»: материалы научной конференции. Муром: Муромский историко-художественный музей, 2000. С. 52-56.

27. Паламарчук П.Г. Сорок сороков. Т. 1: Кремль и монастыри. М.: Книга и бизнес, 1992. 416 с.

28. Панова Т.Д. История некрополя в XV – XX веках // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Материалы исследований. В 4 т. Т. 1. История усыпальницы и методика исследования захоронений. М.: Московский Кремль, 2009. С. 8-33.

29. Панова Т.Д. Краткая история изучения некрополя в середине XX – начале XXI века // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Материалы исследований. В 4 т. Т. 1. История усыпальницы и методика исследования захоронений. М.: Московский Кремль, 2009. С. 34-38.

30. Панова Т.Д. Кремлевские усыпальницы. История, судьба, тайна. М.: Индрик, 2003. 224 с.

31. Панова Т.Д. Средневековый погребальный обряд по материалам некрополя Архангельского собора Московского Кремля // Советская археология. 1987. № 4. С. 110-122.

32. Панова Т.Д. Топография некрополя Вознесенского собора: проблемы, источники, опыт реконструкции // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Материалы исследований. В 4 т. Т. 2. Погребения XV – начала XVI века. М.: Московский Кремль, 2013. С. 12-31.

33. Пшеничников А.И. Краткое историческое описание первоклассного Вознесенского девичьего монастыря в Москве. М.: Изд. настоятельницы Вознесен. монастыря игумении Евгении, 1894. 140 с.

34. Пшеничников А.И. Соборный храм Вознесения Господня в Вознесенском девичьем монастыре в Москве. М.: Тип. Л.Ф. Снегирева, 1886. 154 с.

35. Сергеева Е.Н. Оружейная палата и Эрмитаж. 1920-е годы // Музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. 20. М.: Московский Кремль, 2010. С. 280-297.

36. Сеницына Н.П. Опыт исследования, реставрации и реконструкции предметов археологического текстиля из некрополя Вознесенского монастыря // Московский Кремль XV столетия: сборник статей. Т. 2. М.: Арт-Волхонка, 2011. С. 98-109.

37. Шкаровский М.В. Изъятие мощей и церковных ценностей в Петроградской епархии в 1918-1922 гг. // Ежегодная богословская конференция ПСТГУ. 2012. № 22. С. 125-132.

38. Экспозиция «Вознесенский монастырь в Московском Кремле» [Электронный ресурс] // Музеи Московского Кремля [сайт]. 2020. URL: <https://goo.su/2HFb> (дата обращения 11.06.2020).

39. Экспозиция в приделе святого Уара [Электронный ресурс] // Музеи Московского Кремля [сайт]. 2020. URL: <https://goo.su/2HFB> (дата обращения 11.06.2020).

40. Южная пристройка Архангельского собора с подземной палатой [Электронный ресурс] // Музеи Московского Кремля [сайт]. 2020. URL: <https://goo.su/2hfc> (дата обращения 11.06.2020).

Сведения об авторе:

Шапиро Бэлла Львовна – кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия).

Data about the author:

Shapiro Bella Lvovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

E-mail: b.shapiro@mail.ru.